

Александр ГАЛИЧ:

"Я искупил грехи бытописаньем"

Алена Архангельская-Галич не уверена, что смерть ее отца — несчастный случай

«Кому дано за Родину бороться,
Тот чаще всех живет в разлуке с ней...»
Н. Матвеева.

15 декабря 1977 года в Париже скончался Александр Галич. Этому трагическому событию предшествовали три недолгих года его существования на чужбине — сначала в Норвегии, потом в ФРГ, затем уже во Франции. О тамошнем житье-бытье Галича нам и по сей день известно крайне мало. Орывочные сведения, опубликованные в ряде западных журналов, у нас до сих пор практически неизвестны.

Вот одно из первых сообщений зарубежных агентств: «25 июня 1974 года из СССР выехал Александр Галич, талантливый поэт и драматург, один из любимейших «бард» советской демократической интеллигенции, мужественный борец за права человека. По дороге из Вены в Осло, куда Александр Галич приглашен норвежскими друзьями, поэт остановился во Франкфурте... Последние три года в жизни поэта были трудными, но плодотворными: им написано около 100 новых песен-стихов...». Мы знаем, в чем заключалась «трудность» предотъездных лет Галича: исключенный из Союза писателей, из Союза кинематографистов и даже из Литфонда, он буквально оказался без средств к существованию. Его вызывали в высокие инстанции и предлагали выехать за границу добровольно. Намекали, что в противном случае его сердце, пережившее три инфаркта, может не выдержать лагерей... «В детстве у меня был приятель, еврейский мальчик по имени — почти из анекдота — Моня. Когда мы с ним залезали на дерево, выходила его мать и кричала: «Моня, или ты сейчас упадешь и сломаешь себе голову, или ты сейчас слезешь, и я набью тебе морду!». Вот такой примерно выбор был предоставлен и мне», — сказал Александр Галич, прибыв во Франкфурт и отвечая на вопросы корреспондентов журнала «Посев».

«Его провозжало много народу, — вспоминает дочь поэта Алена Архангельская-Галич. — Был там Андрей Дмитриевич Сахаров. Когда отец выходил из дома, во дворе все окна были открыты, многие махали ему руками, прощались... Была заминка на таможне, когда ему устроили досмотр. Уже в самолете сидел экипаж и пассажиры, а его все не пускали и не пускали. Отцу велено было снять золотой нательный крест, который ему надели при крещении, дескать, золотой и не подлежит вывозу. На что папа ответил: «В таком слу-

Александр Галич. 1970-е годы.

чае я остаюсь, я не еду! Все!». Были длительные переговоры, и наконец велено было его выпустить. Отец шел к самолету совсем один по длинному стеклянному переходу с поднятой в руке гитарой...».

В Советском Союзе Галич практически был лишен возможности выступать перед публикой. Его концерты происходили лишь в квартирах, при большой конспирации. Выехав за рубеж, он сразу получил лучшие залы, широчайшую аудиторию. Началось его триумфальное шествие по Европе. «...В демократической Англии и вдруг — нет билетов! — изумленно свидетельствует специальный корреспондент «Посева» в Лондоне. — Ну совсем, как в Москве, где-нибудь у Театра на Таганке за полтора часа до начала частые, настойчивые вопросы: «Нет ли лишнего билета?»...».

То же — и в Америке: Галича представляют собравшимся как «Солженицына русской песни». Затем он сам подходит к микрофону и в ответ на приветствия произносит на хорошем английском краткое остроумное слово. В советской печати, говорит он, бытует утверждение, что в СССР люди живут, как братья, а в капиталистической Америке человек человеку волк. И обращается к залу:

— Так вот, мои дорогие волки...

Так как же он все-таки жил в своем далеком далеке? Документальных свидетельств об этом крайне мало. Слегка приподнимает завесу над тайной Юрий Нагибин в рассказе «О Галиче — что помнится», деликатно намекая

на его чрезвычайно сложную и запутанную личную жизнь. Какие-то обмолвки содержатся в высказываниях самого Галича: «В последнее время некоторые мои друзья и я начинаем ощущать здесь совершенно иную несвободу. Здешняя несвобода нам непривычна, она нас ошеломила». По свидетельствам людей, достаточно близко знавших Галича в период его эмигрантского существования, к 1977 году он отошел от многих своих друзей и коллег. Ему было невыносимо осознавать, что и здесь, вдали от тоталитарного режима, есть люди, готовые пожертвовать всем «во имя грязной политической игры».

Что произошло 15 декабря 1977 года, вряд ли уже удастся установить с документальной точностью. Гибель Галича и у нас, и на Западе преподносилась как несчастный случай. Эта версия была подхвачена нашими средствами массовой информации тогда, когда к Галичу пришли посмертная реабилитация и слава. Одновременно с этой версией существовали и другие, неофициальные, которые были призваны доказать, что смерть Галича — дело рук агентов не то ЦРУ, не то КГБ. А, допустим, Ю. Нагибин склонялся к мысли о самоубийстве Галича — «так легко развязывались все узлы...». Что касается комиссии по литературному наследию А. А. Галича, включая ее председателя Александра Шаталова и дочь поэта Алену Архангельскую-Галич, то они долгое время придерживались официальной версии. До тех пор, пока наконец в 1991 году не побывали в Париже, не побеседовали

с сотрудниками радиостанции «Свобода» и другими очевидцами этого трагического события. Вот что рассказывает Алена Архангельская-Галич:

«Незадолго до смерти отец купил стереокомбайн, в который входили магнитофон, телевизор и радиоприемник. По своей журналистской работе ему было необходимо знать, что происходит в России, а для получения этой информации требовалась специальная антенна. В последний день жизни он приобрел ее по дороге с радиостанции домой. Вторая жена отца Ангелина Николаевна вышла на 15 минут за сигаретами. Вернувшись, она застала его с зажатой в руках антенной, с обугленными ладонями и с включенными концами антенны напрямую в электросеть. Ноги его упирались в батарею, образуя замкнутую цепь. На ее крик прибежали пожарники из пожарной, что напротив. Они вызвали полицию, полиция — скорую и дирекцию «Свободы». Вскрытие не производилось. Ангелина Николаевна пыталась добиться расследования, однако это дело замяли. Вероятно, ей пригрозили, что, если она будет упорствовать, ее лишат той ренты, которую она получала. Должно быть, именно из-за этого короткого противостояния отца несколько дней не отпевали... Все эти факты наводят меня на мысль, что это — не просто несчастный случай. Мне говорил один близкий отец человек, которому я доверяю, что власти всегда могут договориться, если им кто-то мешает, а Париж — тот самый город, где подобные соглашения происходили неод-

нократно. Кст как в начале почтовый ящик (матери Алек кто-то бросил тором содер единственная го сына хотя этом же письм ет в своих Андрей Дмитри Париж прои сандром Галиче В соборе на р отслужены две них пришло о чество людей. пали внутри и е ре. Присутство дители, сотрудн «Континента», « ли», «Вестника нала и издатель писатели, худо ственные деяте лича, Ангелина получила боль во телеграмм, в А. Сахарова, Л от ссыльных А. Л. Богораз.

Похороны А лича состояли славном кладби невьев де Буа Оплакивала Г сия. По сообще ной прессы, н день после ег двух московски «Современнике» на Таганке — в а устроены коро памяти Галича, тиры 16 декабр чания спектакля жиссер Вален (один из первы учителей Галича к себе всю тру серскую комна устроен помина Актер Ширвиндт погибшего поэта Михаил Шемя нал, что оказав время в Париж Высоцкий, уз Галича, в крове выступая с кон парижской публ кий же привез чери поэта фото похорон.

...Александр П гополучным сов матургом, сцена однажды, по сл сенного сорат Кима, «почувств им плечом дру и не отшатнулся пожертвовав рад процветанием э ем». «Я искуплк писаньем», — г лич в первонач анте поэмы «Ве гулки», фрагме сегодня наряд непубликовавши ми мы предла нию читателей н

Михаил

Фото из арх АРХАНГЕЛЬСКИ

Из стихов Александра ГАЛИЧА

Вечерние прогулки

(Фрагмент из поэмы) Владимиру Максимова

Я искуплю грехи бытописаньем,
Пора начать писать темно и выпренно,
И позабыть, что есть на свете Истина,
И гнать строку, как мяч, в одно касанье.

Прощайте, мудрецы очередей,
Философы пивнушек привокзальных!
Я сам себя замучал в наказаниях,
Я принял душ и — трезвого трезвей.

Гуляю я и воздухом дышу,
И даже солнце не корю за пятна.
Я что-нибудь такое напишу,
Что будет всем приятно-непонятно.

Допустим так:
Печальнее, чем снег,
Летит усталость, медленная птица.
Уже уснули Генуя и Пиза,
Не спит один песочный человек.

О, этот убегающий песок,
Немолчный шелест времени и страха,
О, Парка, Парка, сумрачная пряха,
Повремени, помедли хоть часок!

Шаманство? Пусть. Но прелесть какова!
Когда уже не речи, а реченья,
И самые обычные слова
Вдруг обрели необщее значенье.

И никому все то, что врет шаман,
Не станет ни укором, ни обузой,
Но в переулке вижу я шамлан,
И возле двери я прощаюсь с Музой.

Мы по глобусу

ползаем

«Там шумят чужие города
и чужая плещется вода...»
А. Вертинский.

Мы по глобусу ползаем — полная блажь.
Что нам Новый Свет?
Что нам Старый Свет?
Все давно подсчитано баш на баш,
И ставок больше нет.

А ставок больше нет, как нет,
А ставок больше нет,
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет,
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет.

Там шумят чужие города
И чужое плещется вино...
Все равно мы едем в никуда,
Так не все ль равно?
Ничего — это гурнышт*, и здесь и там,
И пора идти покупать билет.
Я бы отдал все, только что я отдам,
Если ставок больше нет?

*гурнышт — на идише означает «ничего».

А ставок больше нет как нет,
А ставок больше нет,
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет,
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет.

Тишина сомкнется, как вода,
Только ветер постучит в окно.
Все равно мы едем в никуда,
Так не все ль равно?

Вот шарик запрыгал, вертлявый бес.
Угадать бы — какой он выберет цвет?
Только мы не играем на интерес,
Ибо ставок больше нет.

А ставок больше нет как нет,
А ставок больше нет,
И нам не светит Новый Свет,
И нам не светит Старый Свет,
А сколько нам осталось лет?
А ставок больше нет.

Понесут, как лошади, года,
Кто предскажет, что нам суждено?
Все равно мы едем в никуда,
Так не все ль равно?

Рассказ

старого конармейца

Когда от скуки дохли лошади
И нас косил под корень тиф,
Собрал людей комдив на площади,
И так людям сказал комдив:

«Плохое дело, братцы-конники,
Позор и трепет ни за грош!
А гады лекари-законники
Твердят, что тиф разносит вошь!

Им вша, конечно, незнакомая,
Им, сукам, вша не по душе,
А вша — простая насекомая,
И дело даже не во вше.

И надо силу нашу конную
Свести (...) с лица земли,
И надо кончить с этой контролю,
Чтоб смуту сеять не могли!»

И только слово было сказано,
Как понял я, что быть тому:
Поймал жида четырехглазого
И утопил его в Дону.

И было мне признание дружное,
И был воспет мой героизм,
И мне комдив вручил оружие
За пролетарский гуманизм.

(Печатается по единственной
известной авторской фонграмме.
В четвертой строфе автор забывает
текст.)

Публикуется с разрешения комиссии по литературному наследию А. Галича.

Текстологическая работа Александра Петракова.

А. Галич с дочерью Аленой. Начало 1950-х.

Панихида по Галичу у собора рю Дарю. Выступил Некрасов. 22 декабря 1977 г.